

К ВОПРОСУ О МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Л.С.Перепелкин

К настоящему времени модернизация России в общих чертах завершилась, причем по преимуществу в советский период. Однако чтобы преодолеть свое отставание от Запада, России необходимо провести комплекс социально-экономических реформ, включающих структурную реорганизацию экономики, немыслимую без развития современных рыночных отношений; российскому населению надо изменить свои социально-культурные ориентации в сторону сближения их с западными; предстоит также преодолеть остатки этатизма в политике.

154

Статья “Шанс на обновление России” содержит развернутую концепцию модернизации страны, отражающую авторское видение проблемы. Следует отметить, что во многом наши позиции, подходы и прогнозы совпадают (1), однако ряд положений концепции В.А.Красильщикова и его соавторов вызывает возражения. В статье упущены и некоторые важные, на мой взгляд, вопросы, обойденные авторским вниманием. Попробуем коротко сформулировать основные претензии к рассматриваемой работе, следуя принятой в ней последовательности изложения материала.

Авторы начинают свою статью критикой постулатов “возрождения” России, причем научная критика уступает место литературному приему — пародии. Впрочем, понять причины этой авторской позиции совсем не трудно: наиболее активными сторонниками возрождения России являются националистические силы страны (2). Жаль, однако, что неумная националистическая пропаганда заставила В.А.Красильщикова и его соавторов дать весьма сомнительную трактовку этой проблемы.

В историко-культурологическом плане проблемы модернизации и возрождения не только близки, но зачастую идентичны: модернизация, т.е. усвоение чужого опыта, осуществляется на фоне активизации, а иногда и реанимации народом, вернее, группами идеологов, своего собственного прошлого опыта. Более того, в странах Западной Европы в качестве “чужого опыта” выступала возрожденная традиция античности (3). Характерен здесь и пример Японии, опиравшейся в процессе своего стремительного послевоенного развития на возрождение национального духа и традиций. Уместно будет сказать о том, что модернизацию именно такого характера, т.е. сопряженную с национально-культурным возрождением, мы трактуем как “органическую”, в отличие от “патологической”, насильственной ее формы, не имеющей опоры в национальной культуре и традициях и обреченной на неудачу (например, модернизация среднеазиатского региона в годы советской власти).

Спорной, на наш взгляд, является авторская трактовка концепции модернизации, совмещающая два разнородных явления: спонтанное эволю-

ционное развитие общественной системы и “догоняющее развитие” под воздействием внешних стимулов. Расширительное понимание модернизации, в которое авторами включены *любые переходные общественные состояния*, препятствует выяснению *качественной* стороны этого процесса. Кроме того, основной упор в авторском понимании модернизации сделан на технологическом, а не на гуманитарном, “человеческом” ее аспекте.

Возможно, эта трактовка модернизации связана с историческими взглядами В.А.Красильщикова и его коллег. По их мнению, всемирная история подразделяется на три крупные общественные макроформации: первичную, или архаическую, вторичную, или экономическую, и третичную, или постэкономическую. “...Вторичная охватывает собой азиатский, античный, феодальный и капиталистический способы производства, когда экономика... господствует над производством человека... В третичной, постэкономической формации главным становится производство человека, а отчуждение во всех его формах постепенно преодолевается...” Таким образом, авторы не видят серьезной грани, отделяющей индустриальное общество от доиндустриального. Между тем, именно такой переход, причем совершающийся под внешним влиянием, обычно и называют модернизацией.

Изложим наше видение этой проблемы. Как мы полагаем, человечество к настоящему моменту прошло три больших периода своего развития, говоря условно: архаический, древний (который отделяет от первого неолитическая революция) и современный (наступивший после промышленной революции). Нынешнее индустриальное общество переходит на новую стадию своего развития, однако было бы преждевременным утверждать, что происходит формационный скачок: слишком недавно началась научно-техническая революция. Авторы не учитывают, что между большими формациями обязательно должны существовать переходные периоды, в течение которых общество, основная масса людей приобретают новые качества, не свойственные людям других исторических эпох. Еще раз подчеркнем, что именно переходный период между древними и современными обществами (в случае “догоняющего развития”) обычно обозначается понятием “модернизация”.

Формационный подход (в отличие от цивилизационного, т.е. культурно-генетического) требует общего критерия при выделении формаций. Очевидно, что в качестве такого критерия могут выступать только технологические различия, причем технология здесь понимается в самом широком смысле слова: от производственных технологий до социальных (определяющих тип личности). Особо следует остановиться на социальных технологиях, так как этому вопросу авторы рецензируемой работы уделили минимум внимания.

По мнению отечественного исследователя М.К.Петрова, которое мы разделяем, сердцевиной социальных технологий является социальное кодирование, которое осуществляется знаковыми средствами и служит для передачи социального знания последующим поколениям. М.К.Петров выделил три типа социального кодирования, имеющие формационный характер: *лично-именное кодирование*, при котором в личном имени кодируются “типизированные ситуации коллективного действия” (этот тип социокода

присущ архаической формации); *профессионально-именной тип кодирования*, при котором образуется “единый для общности профессионалов текст типизированных ситуаций и способов их социально значимого решения силами индивида” (этот вариант социокода существовал в обществах древности); наконец, *универсально-понятийный тип кодирования*, тяготеющий “к универсалиям любой природы, и прежде всего к универсалиям общения, к категориальным потенциалам языков” (современный тип социокода). Он позволяет осуществлять индивидуальные поведенческие программы и в нестандартных ситуациях (4).

Новые формации и присущие им типы технологий зарождаются в одном или нескольких обществах в ограниченных географических локусах, и затем распространяются по ойкумене. Так, древняя формация первоначально зародилась в ряде обществ Ближнего Востока. Современная (индустриальная) формация возникла в ходе тысячелетнего спонтанного развития ряда западноевропейских обществ. На ее уникальном характере настаивают многие современные ученые, в том числе и цитированный выше М.К.Петров.

Очевидно, что в процесс распространения достижений европейской цивилизации (т.е. в процесс модернизации) сначала включились культурно и географически близкие к новому центру развития общества. Позднее он приобрел панойкуменный характер, не в последнюю очередь и из-за колониальной политики европейских стран.

156

Одни общества в силу своих культурно-исторических особенностей заимствуют достижения европейской цивилизации легче, а другие — с большими трудностями. Однако наиболее важную роль здесь играет модернизаторская политика соответствующих государств. Следует отметить, что наиболее типичным вариантом модернизации обществ неевропейской культурной традиции является так называемый *этакратизм*, т.е. доминирование государства во всех сферах общественной жизни (термин О.И.Шкаратана и В.В.Радаева). Этакратизм, внешне продолжая традицию восточных деспотий, решает задачу особого типа: он заимствует и внедряет в своей стране западные производственные и связанные с ними социальные технологии (5). Так, этакратизм вынужден решать задачу всеобщей грамотности населения, необходимую для становления универсально-понятийного типа социокода (6).

Серьезным условием быстрых экономических успехов модернизирующегося общества является распространение (и, соответственно, поощрение со стороны государства) своеобразной идеологии достижения и коррелирующего с ней психологического феномена — мотива достижения (являющегося сердцевинной “протестантской этики” М.Вебера). По мнению исследователей, изучавших этот феномен в широкой культурной и исторической перспективе, “...высокий национальный мотив достижения проявляется в непропорционально быстром экономическом развитии, а низкий — в снижении темпов такого развития” (7).

Авторы рассматриваемой работы настаивают на необходимости в современной России авторитарного государства для обеспечения модернизации страны. Но что такое авторитаризм? Подробнее рассмотрим авторитарно-государственную модель модернизации во франкистской Испании. Альмандо де Мигель, специально изучавший этот вопрос, характеризует испанский авторитаризм следующим образом:

“Именно потому, что общество не поляризовано и в нем нет противопоставления тоталитаризма революционности, мы такую промежуточную ситуацию и классифицируем как авторитарную”.

“Именно педантичное выполнение властями и гражданами законов... и придает обществу такой сильный тоталитарный — а точнее сказать, эстатический дух...”

“На практике политика франкистского режима вела к тому, что государственные дела постепенно переходили в руки частного капитала...” (8).

Иными словами, франкистский режим для модернизации Испании решал, как минимум, три задачи: сохранение политической стабильности; соблюдение властями и гражданами законов; постепенное сужение сферы государственной компетенции.

Рассмотрим теперь проблемы собственно России. Ее модернизация началась еще в XVIII в., во время петровских реформ, когда, впрочем, и на Западе новая формация не выработала адекватной технико-технологической базы (машинного производства). Обычно говорят о нескольких попытках модернизации России, однако, на наш взгляд, вернее говорить о продолжавшемся несколько веков едином процессе модернизации, имевшем импульсивную форму. Такой характер российской модернизации объясняется социо-культурной спецификой страны, отличающейся от социо-культурных характеристик европейской цивилизации (9).

К настоящему времени (и в этом наше основное расхождение с анализом В.А.Красильщикова и его товарищей) *модернизация России в общих чертах завершилась*, причем по преимуществу в советский период ее истории. Сказанное не означает, что страна преодолела технико-экономическое отставание от Запада или произошло существенное сближение российской и западной социально-культурных моделей. Тезис о завершенности в общих чертах российской модернизации означает лишь, что Россия стала страной индустриальной и в ней доминирует универсально-понятийный тип социального кодирования. Иными словами, в настоящее время речь должна идти по преимуществу не о модернизации страны (или, в силу огромных размеров России, — лишь о завершающей стадии модернизации), а о решении комплекса иных, не менее сложных и важных проблем. Что же это за проблемы?

Нам представляется, что перед Россией сейчас стоит следующий блок задач: структурная реорганизация экономики (которая невозможна без развития современных рыночных отношений); изменение социально-культурной модели (в сторону сближения ее с западной); преодоление остатков этакратизма.

Авторы достаточно подробно анализируют проблемы структурной реорганизации нашей экономики (хотя, например, полностью упустили из своего анализа серьезнейшую проблему сельского хозяйства). Пожалуй, самое существенное замечание к данной работе может заключаться в следующем: в ней недостаточно отчетливо заявлено о том, что нынешний монетаристский курс реформаторов (правительства Ельцина — Гайдара) необходим и неизбежен на этапе макроэкономической стабилизации, что это единственный путь к адекватной для индустриального общества экономи-

ческой системе, что лишь после того, как экономический кризис выполнит свою санирующую роль, можно будет перейти к кейнсианской модели макроэкономического регулирования. Искусство реформаторов в данном случае в том и заключается, чтобы правильно и своевременно реагировать на изменяющуюся экономическую ситуацию и перейти к расширению платежеспособного спроса только тогда, когда для этого созреют необходимые предпосылки.

Гораздо большую сложность представляет второй круг задач — изменение российской социально-культурной модели, определяющей основные черты поведения граждан. По нашему глубокому убеждению, эта проблема не может быть решена путем определенной целенаправленной государственной политики, хотя отдельные элементы такой политики (в чем авторы анализируемой статьи совершенно правы) и могут иметь место. Изменение поведенческой модели может произойти лишь в результате смены поколений в новых условиях жизнедеятельности (и, соответственно, на этот срок отодвигается для российских граждан достижение западного уровня благосостояния). Вместе с тем следует признать, что любые временные прогнозы в этой сфере обречены на неудачу — прежде всего потому, что мы не знаем главных черт современной российской социо-культурной поведенческой модели, как и степени ее открытости к внешним влияниям.

158

Современных россиян упрекают, например, в нерыночном, традиционном поведении. Но ведь необходимым условием для существования рыночных ориентаций, привычек и реакций является наличие самого рынка. Мы возьмем на себя смелость констатировать, что с появлением в России элементов рынка соответствующая система отношений, наоборот, слишком быстро стала заметной в поведении российских граждан.

По нашему мнению, наиболее характерным для российской социо-культурной традиции является ее антиличностная направленность, причем ясно, что эта черта российской ментальности станет серьезным препятствием для дальнейшего развития страны. Эти соображения можно проиллюстрировать данными криминальной статистики (10). Так, в республиках бывшего СССР уровень преступности в целом и количество преступлений против собственности (на 100 тыс. чел.) хорошо коррелируют с уровнем экономического развития соответствующей республики: возглавляет список Эстония, где самый высокий уровень преступности и преступлений против собственности, а Россия занимает третье место. Однако если обратиться к количеству преступлений против личности, здесь лидером выступит Россия (68,5 преступлений против личности на 100 тыс. чел.), причем следующая за ней по количеству подобных преступлений республика — Казахстан — будет выступать в заметном отрыве от России (54,8 на соответствующее количество жителей). Эстония же будет девятой в этом списке (31,2 на 100 тыс. чел.), а замыкает его Таджикистан (17,9 преступлений против личности на 100 тыс. чел.).

Социо-культурные особенности российских граждан нуждаются в пристальном изучении, прежде всего для того, чтобы соотносить с ними государственную политику. И здесь мы подошли к третьему типу задач, стоящих перед страной — к преодолению ее этакратического прошлого. На наш взгляд, в этом аспекте авторские предложения — формирование в России авторитарного государства — нуждаются в переосмыслении. Во-пер-

вых, на примере Испании мы видели, что “политический авторитаризм” это всего лишь эвфемизм сильного государства, решающего конкретный круг вопросов. Во-вторых, как очевидно, традиционный тип российской государственности (тоталитарный или авторитарный, иными словами, российский этакратизм) непосредственным образом связан с социо-культурными характеристиками россиян: антиличностная доминанта российской социо-культурной модели развивалась в условиях именно такого государства.

Вместе с тем, для решения задач развития страны, и с этим тезисом авторов рецензируемой работы нельзя не согласиться, необходима сильная государственная власть. По нашему мнению, задачи преодоления этакратизма и формирование сильной государственной власти — не противоречат друг другу. Обе эти задачи предполагают: ограничение сферы государственной компетенции узким, а точнее сказать — обозримым кругом проблем, которые на данном конкретном этапе развития целесообразно решать государству; формирование законодательной основы деятельности государства и граждан; создание цивилизованной системы государственного принуждения (судебной системы). Последний пункт, упущенный в авторском тексте, представляется особенно важным (11). Именно судебная система способна прекратить произвол государственных органов и включить механизм личной инициативы, уверенности и ответственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. наши работы: Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Экономический суверенитет республик и традиции централизма: теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни // Сов. этнография. 1989. № 4; Перепелкин Л.С. Этнопсихология современного производства // Человек. 1990. № 6; Перепелкин Л., Шкаратан О. Экономическая модернизация и национальное возрождение // Общественные науки и современность. 1991. № 2.

2. См.: Соловей В. Современный русский национализм: идейно-политическая классификация // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С.121.

3. Среди культурологических работ по этой теме см.: Лотман Ю.М. Архаисты-просветители // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986; Петров М.Т. Об историографической модели “мирового Возрождения” в связи с некоторыми политико-культурными характеристиками западноевропейского Ренессанса // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (У1-ХУ11 вв.). Л., 1990.

4. См.: Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991.

5. На связи производственных и социальных технологий настаивает американский социолог А.Инкелес, который в ходе многолетних исследований выяснил, что важнейшим фактором становления современного человека является его работа в социальной организации нового типа. См.: Inkeles A. and others. Exploring Individual Modernity. N.Y., 1983.

6. В этой связи отметим исследование 30-х гг. в Средней Азии Л.С.Выготского и А.Р.Лурии. Авторы доказали, что даже начальное обучение грамоте способствует кардинальной психологической перестройке человека. См.: Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974.

7. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т.1. С.284.

8. Амандо де Мигель. 40 миллионов испанцев 40 лет спустя. М., 1985. С.236-237.

9. Этот вопрос подробно исследован в работе: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.1-3. М., 1991.

10. См.: Преступность и правонарушения в СССР. Стат.сб. М., 1991. С.12, 19, 22.

11. Я благодарен моему коллеге Ю.Ю.Фигатнеру, который обратил мое внимание на важность формирования судебной системы для реформирования России.